

Отец Иларион, архимандрит Троицкого Данилова монастыря

Отец архимандрит Иларион, настоятель Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском Владимирской губернии, принадлежит к тем светлым личностям православного монашества русского, память о которых достойна сохранения для всеобщего назидания. с. 1

Архимандрит Иларион происходил, как значится в его послужном списке за 1876 год, из духовного звания, Владимирской губернии. Родился он в 1818 году. Воспитание и образование получил во Владимирской духовной семинарии. Окончив в ней курс, он по желанию своему был определён в число послушников Владимирского архиерейского дома в Рождественском монастыре в 1843 году ноября 18 дня. 23 марта 1844 года он посвящён в стихарь от преосвященного Парфения, архиепископа Владимирского и Суздальского. Тот же владыка благочестивого послушника, по его пострижении в монашество, последовавшем 13 июня 1847 года, удостоил произвести во иеродиакона 21 сентября того же года. А в следующем 1848 году июля 11 дня рукоположил во иеромонаха. Молодой иеромонах столь глубоко сохранял между братиею монастыря смиренномудрие, что можно было о нём думать, как о монахе из неучёных. Он твёрдо помнил слова святого Иакова Апостола: *не мнози учителя бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приемем: много бо согрешаем вси. Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силён обуздать и всё тело* (Иак. 1—2). И потому хранил в монастыре глубокое молчание. Но там, где можно было, с. 2 не нарушая закона смирения и безмолвия иноческого, отверзать уста в поучениях о славе Божией, о. Иларион не молчал. Зная о его светлом уме и искреннем благочестии, некоторые даже из иноверцев искали у него себе наставлений о христианском благочестии, и его беседа о вере с таковыми столь была сильна, что сии почтенные и по званию в обществе, и по образованию люди привлекались им к общению с православною Церковью, усердно посещали храм Рождественского монастыря вместе с своими православными родными. Из таковых памятен нам особенно один благочестивый католик Ка—кий, которого семейство — жена и дети православного исповедания все отличались глубокою религиозностью. Подобных людей о. Иларион изредка посещал сам. Кроме их, он навещал лиц, о которых знал, что они в большом находятся горе. К таким приход его был обыкновенно неожиданен, как явление доброго Ангела. По входе в дом иеромонаха надевал епитрахиль, совершал краткое молитвословие, и по окончании молитвы высказывал слово утешения, которое было так одушевлённо, что сердца поникшие от печали удобно восперялись надеждою на Господа и долго, долго затем вспоминали с благодарностью посланного к ним Его провидением утешителя. После неожиданного визита он скрывался, подобно ангелу, и можно было им видеть его разве только в богослужении. Келья его обыкновенно была посетителям мало доступна, кроме немногих его знакомых из духовенства и людей светского звания. Да и эти удаивались приёма от него только в великие праздники обители, или в день его ангела. В его келье было место других бесед, бесед с Господом Богом, святыми Ангелами и святыми. После богослужения в храме о. Иларион заключался на вечер и ночь в келье безвыходно, с. 3 и здесь после занятий чтением книг душеспасительных — предавался пламенной молитве. Раз в 9 часов вечера пришёл к пишущему это близкий родственник, почтенный чиновник А. А. С—цкий и рассказал вот что: «Ныне положил я из присутствия в 8 часов зайти к ува-

*Флоринский, Н. Отец Иларион, архимандрит Троицкого Данилова монастыря / Н. Флоринский // *Душеполезное чтение*. — 1878. — Август. — С. 1—11.

жаемому моему товарищу по семинарии, о. Илариону, которого весьма давно не навещал. Хотелось мне поговорить с ним. Но Бог не привёл». Почему? спросили мы. «Да вот почему: подошёл я к его келье ровно в 8 часов, как предположил. Но услышав, что о. Иларион произносит молитвы, хотел я обождать, пока он помолится. К сожалению, не имел терпения. Думаю, и теперь молитва его не окончилась. И если бы вы знали, родные мои, как молится он! Если б вы слышали его рыдания, биения в перси, вздохи, — вам также нельзя было бы решиться прервать столь священную молитву, как не решился и я...» Об искренности молитвы о. Илариона можно было судить и богомольцам храмов Свято-рождественского монастыря. Здесь о. Иларион, кроме исправления своей череды седмичного иеромонаха, и в свободные седмицы выходил читать на клирос повечерние каноны по Октоиху Божией Матери. Каждый тропарь этих глубоко умилительных и в высшей степени утешительных песнопений святого Иоанна Дамаскина в чтении о. Илариона с особенною силою впечатлевался в душах слушателей богослужения; святая печаль по Бозе благодатно проникала в сердце и извлекала из очей слёзы покаяния.

с. 4 Кроме подвигов молитвы, о. Иларион мужественно нёс все другие подвиги монашества. В послушании настоятелю, которым был казначей архиерейского дома, он был образцом для братии. В воздержании и посте также. Не только водки, а и виноградного вина он никогда, кроме богослужения, не употреблял. Привычки к нюханию или курению табаку не знал он и до поступления в монахи. Чай пивал только с гостями, или когда сам бывал в гостях, что бывало весьма редко. Несмотря, однако, на лишения, каким он подчинял своё тело, в нём никогда не заметно было для сторонних его доброе подвижничество. Некоторые, рассуждая с друзьями о благотворном для самого телесного здоровья действии жизни подвижнической, указывали в пример на крепость сил о. Илариона, как известного всем подвижника. На лице доблестного священноинока никогда не замечается тени какой бы то ни было печали, хотя, конечно, не без скорбей протекала истинно христианская жизнь его. Напротив, духовная радость всегда печатлелась на его кроткой, благородной и приветливой физиономии. То же свято-радостное настроение души проявлялось всегда и в тоне беседы о. Илариона с близкими. — В келье о. Илариона, состоявшей из одной комнаты, было всё просто и неизысканно, но необыкновенно опрятно. Он любил читать книги, но брал их из церковной библиотеки, либо у знакомых наставников семинарии. Своя библиотека у него была небольшая. В одежде ограничивался самым необходимым. Денег никогда не хранил. Ибо все скудные доходы свои монастырские раздавал частью бедным своим родственникам, ученикам семинарии Владимирской, частью тем беднякам в городе, о беспомощном положении коих узнавал. К таковым сам обыкновенно принашивал в их квартиры пособия от своего усердия, иногда и от усердия других. Уважаемый и любимый владимирцами тогдашний о. протодиакон кафедрального собора В. Парвицкий, имевший способность выражаться стихами, однажды, когда при нём зашла речь о монахах архиерейского дома, о нестяжательности о. Илариона сделал в шутку такое замечание: «О. Иларион имеет денег миллион».

с. 5 Всё духовенство г. Владимира любило и уважало добрейшего иеромонаха архиерейского дома. О. Илариона любили и почитали также его монастырские братья, особенно высокочтимый тогдашний духовник архиерейского дома и ставленников о. Иоанникий.¹ Один из ректоров Владимирской семинарии, ныне архиепископ, сделал о. Илариона доверенным лицом для совершения по городу тайных благодеяний.

В 1854 году декабря 19-го иеромонах Владимирского архиерейского дома, о. Иларион от преосвященного епископа Иустина награждён был за отличное поведение и ревностное служение набедренником. В 1857 году марта 6-го дня указом консистории он определён строителем Николо-Шартомского монастыря и, в память войны 1853—1856 годов, в том же году июня 7 награждён бронзовым на Владимирской ленте наперсным крестом. Октября 1-го 1861 года Николо-Шартомский строитель, за усердную и полезную службу, возведён преосвященнейшим Иустином в сан игумена; 23 ноября 1862 года указом консистории определён исправляющим должность благочинного монастырей; 13 января 1865 года указом консистории ему объявлена благодарность за старание при постройке монастырской ограды

¹Об этом старце некоторые сведения см.: Воспоминания священника о монастыре Успенском // *Душеполезное чтение*. — 1873. — Ч. 1. — С. 100.

и сим же указом определён он полным благочинным. За ревность и усердие в прохождении возложенных на него должностей о. Иларион пожалован золотым наперсным крестом в 1866 году июня 18 и вместе с тем указом Святейшего Правительствующего Синода перемещён в настоятеля Переславского Троицкого Данилова монастыря. А в октябре того же 1866 года 13 октября, по указу Святейшего Синода, возведён в сан архимандрита высокопреосвященнейшим архиепископом Антонием. Сентября 13-го 1868 г. указом консистории определён благочинным монастырей и старшим архимандритом по г. Переславлю. В 1870 г. апреля 12 дня, по засвидетельствованию Святейшего Синода об отличной усердной службе, Всемиловитивейше сопричислен к императорскому ордену святой Анны третьей степени, а 4 апреля 1876 года, по засвидетельствованию Святейшего Синода об отличной усердной службе, Всемиловитивейше сопричислен к императорскому ордену святой Анны второй степени. Таковое содержание послужного списка о. архимандрита Даниловского Илариона. Быстро возвышаемый в должностях и отличающийся почестями, он не изменялся в настроении души своей и в отношениях к людям. К почести высшего звания устремлялась душа боголюбивого священноархимандрита, а не земных отличий жаждала. Помышляя всегда о близости к каждому смертного часа, о. Иларион в 1874 году декабря 30 в праздник преподобного Даниила переславского чудотворца, совершая молебное пение преподобному пред нетленными и чудотворными его мощами, возымел предчувствие о недалёкой собственной кончине и в тот же день написал духовное завещание. Вот извлечение из сего завещания:

с. 6

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Душе моя окаянная, душе страстная, ужаснися часа смертнаго! Увы, како предстану Судии праведному? Тмами обещах страстный покаяние, но солгах окаянный. Убийца явлься древле и братоубийца Каин, Богом проклят бысть: что же восприму вседерзый? Носяй храм телесный, весь оскверненный, иждих всю жизнь в лености, небрежении, в усыплении, в многообразных и неистовых помыслах. Никтоже согреши на земли от века, как прегрешил я окаянный и блудный. Отцы, братия и все знаемии, благословите, простите меня перваго от грешных и помолитесь, прошу вас из глубины души, да не низведен буду на место мучения. Прощаю и я всех любовью святою. — Всё, что стяжал из одежды, белья и других вещей, всё это от щедрот Царицы небесной, снабжение Богоносного отца нашего Даниила и плод священной любви любящих меня во Христе. Но злата и серебра не приобрёл ничего: никто да трудится по смерти моей, испытуя или взыскуя какого-либо тайнаго моего собрания. Входящая в руде мои доходность и подавание от благодетелей истощевал издавна то на свои потребности, то на нужды нуждающихся, идеже Бог повеле. Присовокупляю, яко человек, если владычествующим и право правящим благоугодно будет, то стираю глубокую свою мольбу, всё оставшееся (ниже значащееся) скудное после меня имущество, предоставить моим родным по плоти. Пусть возьмут на память и разделят миролюбно, честно и искренно. Любовь — союз совершенства. Господи, прими вопль души моей.

с. 7

В дополнение к сказанному приведём сведения об о. Иларионе за время его настоятельства в Даниловском переславском монастыре, сообщённые нам его келейником, того же монастыря монахом, ныне иеродиаконем, о. Иннокентием. «По чувству сыновней признательности, — пишет к нам о. Иннокентий, — поставляю себе в обязанность представить воспоминание о жизни покойного настоятеля Переславского Троицкого Данилова монастыря, о. архимандрита Илариона, у которого прожил я 10 лет и 4 месяца келейником. В продолжение столь значительного времени много я видел доброго и назидательного для себя и для других в его жизни. Покойный о. архимандрит был строг как к себе, так и к прочим, живущим во вверенной ему обители. От всех он требовал того, что сам делал. При всей слабости своего здоровья, он всю жизнь свою посвятил на служение Богу. Особенно он ревновал о молитве; в продолжение десятилетнего моего при нём пребывания о. архимандрит ни одной службы в году не пропускал, разве по крайней нужде и сильной болезни. Когда болезнь заставляла его сидеть в келье, то он постоянно про себя говорил: «Что-то делается в церкви, — как служба идёт? Ведь что ни делается в монастыре беспорядочное, за всё настоятеля винят». Покойный не считал тот день днём радостным для себя, в который не побывает в церкви. Служению был ревнитель: ни одного воскресного дня, равно и праздников не пропускал без своего служения, и всегда служил с истинным усердием и со слезами, чему постоянно сослужащие ему иеромонахи были свидетелями. За торопливое пение постоянно выговаривал после служения. Если в церкви не было ни-

с. 8

- кого из обычных посетителей настоятельских келий, особенно благодетелей обители, то оставался в храме после совершения литургии на час для чтения акафистов. Никто в храме с ним не оставался, — он запирает храм сам. Часто служил в будни с одним чередным иеромонахом. В ночь накануне служения он имел обыкновение не спать и проводил всю ночь в чтении правила. На первых порах моего пребывания у него он укрывался от меня, — я не мог видеть, как он проводил время. Мне, как молодому человеку и малоопытному в монашеской жизни, и на мысль не приходило, чтобы готовящемуся к служению можно было всю ночь читать правило; не более двух часов, казалось мне, достаточно посвятить на это. В первый раз мне пришлось, на 5 году моей жизни у него, видеть нечаянно его ночные молитвы. В 12 часу ночи мне захотелось пить, я тихонько пошёл в кухню напиться; в это время у о. архимандрита в спальне были двери не притворены; он не слышал, как я прошёл; вижу его лежащим пред иконою в мантии и епитрахили. Это меня изумило, я даже подумал, не умер ли он; из кухни я пошёл скорее; он, зная, услышал мой шорох, встал и начал молиться на коленях. Я про себя подумал: вот что значит быть монахом; монаху непрестанно надо молиться. После этого разу я часто его видал проводящим время в таком положении. — Чтения церковного он требовал неспешного; кто из чтецов торопился, такого часто останавливал или сменял и сам читал; каноны во все 10 лет правления Даниловым монастырём сам читал в будни и праздники; в святую четырёхдесятницу, постоянно в среду и пяток совершал преждеосвященную литургию. Сам очень часто читал часы и кафизмы; во время службы никогда не садился. Очень строг был к нарушающим монастырские порядки; ходил к утреням первый, часто начинал сам читать полунощницу; кто из братий не приходил в церковь к богослужению по лени или другой какой немощи, за тем посылал; если тот не являлся, сам ходил и делал ему в храме выговоры. Часто говорил в храме всему братству: «Вы, отцы и братия, не ропщите на меня, что я вас понуждаю к молитве; я сам первый лентяй, но желаю вам душевного спасения; вы должны в храм ходить не принуждённо, но добровольно, и не тогда только, когда настоятель в церкви. Вы не ради меня ходите в храм, а ради своего спасения». Про себя он говорил: «Я здесь не кто иной, как приставник, а настоятель у нас здесь преподобный Даниил». Часто в храме обращался с назиданием ко всем, особенно к нарушающим порядок церковный. Читал в храме и в братской трапезе книги о подвигах благоугодивших Богу святых. Иные из иноков не ценили его ревности о спасении их и называли его суровым настоятелем. Но он строг был только к неисправным; кто из иноков вёл себя трезво, честно, послушание нёс с усердием, таковых о. архимандрит любил, тайно вознаграждал; они и сейчас чтут и поминают его как отца и благодетеля. Нестыжательность его доходила до крайности. Часто он не имел рубля денег, но любил помогать нуждающимся. Часто сам ходил версты за 4 пешком, к бедным, относил им чаю и сахару, давал денег на хлеб и дрова. Многие приходили к нему за советами; он всех принимал: иноков и инокинь и мирян; но только всем говорил: «Какой я наставник? Я первый из грешных; мне надо у вас учиться». Впрочем, насколько мог, всех он успокаивал.
- с. 9 В келье он никогда не имел отдыха, большую часть времени проводил в чтении или в письме по делам монастырским или писал ответы тем лицам, кои к нему обращались за советами. Таковых немало было из Шуйского купечества, так как он был Николо-Шартомского монастыря настоятелем, от Шуи в 12-ти верстах. [13 км] Покойник питал глубокую сыновнюю любовь и преданность к архиепископу Леонтию Варшавскому, с которым имел частую переписку; равно глубоко любил и своего архипастыря Антония, архиепископа Владимирского, который в 1872 году подарил ему из своих рук большой свой портрет. Покойник в праздники, после всенощных бдений, придёт бывало в келью, помолится пред иконами, потом поцелует портрет владыки, якобы лично принимал от его преосвященства благословение; то же делал в праздники после литургии. Раз, я помню, было от владыки предписание, чтобы о. архимандрит немедленно съездил куда-то и произвёл следствие; архимандрит был нездоров; невзирая на нездоровье и даже на воспреещение доктора, покойный решился ехать, говоря: «Как не ехать, этим можно владыку обидеть». По службе благочинного он всегда был точен и исполнитель. — За неделю до смерти, 1 октября о. архимандрит служил в своём монастыре соборне; 2-го числа был у утрени, читал канон сам; пришедши от утрени, почувствовал себя слабым; в 11 часов дня посылал за доктором, но помощь его не была полезна. В 3 часа и 25 минут за полдень отец Иларион скончался в присутствии о. казначея, которому делал распоряжения насчёт соборного служения: так как это было в субботу
- с. 10

на воскресенье. После этого распоряжения три разадохнул и Богу душу отдал. — Пищу он употреблял очень простую и один раз в сутки. В великий пост на первой и последней неделе из варёной пищи ничего не употреблял, кроме чаю после вечерни с чёрным хлебом; в летние дни и месяцы по нездоровью иной раз ездил в лес для пользования себя воздухом. Покойный архимандрит в последнее время терпел клевету по тому поводу, что посещал с. 11 дома бедных, но благочестивых людей; но покойный на это не обижался, говоря: «Христос Сын Божий, воплощённая Любовь, чего ни терпел, чего про Него ни говорили, наконец, и ко кресту пригвоздили, а мне, окаянному, ещё мало за мои грехи». Сильно он благоговел пред угодником Божиим. Ни одного дела не делал, не отслужив молебна преподобному Даниилу. На сутки куда отлучался из монастыря, и то молебен служил».

Мир душе неумолимого молитвенника и смиренного подвижника!

Протоиерей Н. Флоринский.